

УДК 82-4

Олег Демин

ИМЕЯ СИЛУ НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Наше знакомство началось в солнечном, но всегда, до поздней осени, зеленом из-за густых ветвей деревьев, дворике университетского дома по улице Новосельского (тогда Островидова). Двор имел какую-то особую атмосферу спокойствия и некоего величия, навеваемого огромными пирамидальными тополями и платаном. Он не был похож на хрестоматийные одесские галерейные коммунальные дворы. Скорее, с фонтаном посередине и ажурной решеткой вокруг он создавал видимость парадного дворцового ансамбля. В одном из зданий этого бывшего дореволюционного комплекса, в котором в первое послевоенное время размещался штаб Одесского военного округа под жесткой рукой маршала Г. К. Жукова, в последующие годы проживали молодые, и не только молодые, преподаватели университета.

Весной (так мне помнится) 1982 г. сюда въехал преподаватель филологического факультета Александр Александров. От университета он получил полуподвал, как несколькими годами ранее я, и его проблемы были мне близки по ощущениям.

Наше общение касалось в основном двух вопросов: университетской жизни и научных проблем, которыми мы занимались. В определенном смысле тема его кандидатской диссертации, относящаяся к вопросам развития русского рассказа первой половины XIX века, имела исторические корни. И поэтому общность исторического восприятия прошлого сближала нас. Но научные разговоры носили общий характер, ибо я занимался западноевропейской медиэвистикой, а он — историей российской литературы нового времени. С его переездом наши встречи стали реже. В основном виделись в главном корпусе университета, и уже не находилось времени обсуждать научные вопросы.

В 1991 г. в сборнике тезисов второй областной историко-краеведческой конференции я с удивлением обнаружил публикацию

А. Александрова, посвященную развитию агиографии в Новороссийском университете. В докладе рассматривался интересный сюжет, позволявший по-новому осветить научную деятельность профессора и ректора университета И. С. Некрасова. В истории университета он воспринимался как посредственная личность, не создавшая ничего значительного в научном плане. Автор же, вопреки этой устоявшейся традиции, говорил о новизне подходов И. С. Некрасова к трактовке агиографических текстов, указывая на занятия агиографией как одну из причин недооценки личности одесского ученого.

Как потом оказалось, А. Александров ушел от старой тематики XIX в. к истории средневековой древнерусской литературы. Тем самым он продолжил, а фактически возродил старые университетские традиции историко-филологического факультета. Немало мы поспорили относительно названия сборника «Медиевистика», который стал издаваться благодаря энергии и усилиям редактора и одного из его главных авторов. Мы исходили из разного понимания термина «медиевистика». В традициях исторической науки XX века понятие медиевистика связывалось только с западноевропейским материалом и не распространялось на восточноевропейский регион. Мы и до сих пор остаемся оппонентами в этом вопросе.

Но в основном в этом. Ибо те работы А. Александрова, которые появились после публикации 1991 года, заставили говорить о нем как об одном из наиболее значительных украинских исследователей истории древнерусской литературы. Его историческое чутье не уступает филологическому, и это редкий дар. Хотя можно сказать, что понимание эпохи необходимо любому гуманитарю, но сочувствование времени характерно только для высокопрофессионального и одаренного ученого. Это тем более показательно, что Александр Васильевич начал заниматься новым научным направлением практически с «чистого листа». А хорошо известно, как трудно начинать все сначала. Но дорогу осилит идущий, и этого я ему желаю.

Получена 4.10.12